

**THE WORLD OF ISLAM IN RESEARCH PERSPECTIVES
OF ARABIC STUDIES AND POLITICAL SCIENCE**

**Świat islamu w perspektywie badań
arabistycznych i politologicznych**

**Vol. 2 SOCIETY
t. 2 Społeczeństwo**

wydawnictwo
adam marszałek

Recenzenci

Redaktor prowadzący
MIROSLAWA MICHALSKA

Redaktor techniczny
KRYSTYNA SAMSEL

Korekta

.....

Projekt okładki

.....

© Copyright by Wydawnictwo Adam Marszałek

Wszystkie prawa zastrzeżone. Książka, którą nabyłeś, jest dziełem twórcy i wydawcy. Żadna jej część nie może być reprodukowana jakimkolwiek sposobem – mechanicznie, elektronicznie, drogą fotokopii itp. – bez pisemnego zezwolenia wydawcy. Jeśli cytujesz fragmenty tej książki, nie zmieniaj ich treści i koniecznie zaznacz, czyje to dzieło

Toruń 2019

ISBN 978-83-.....-.....

Wydawnictwo prowadzi sprzedaż wysyłkową:
tel./fax 56 648 50 70, e-mail: marketing@marszalek.com.pl

Wydawnictwo Adam Marszałek, ul. Lubicka 44, 87-100 Toruń
tel. 56 664 22 35, 56 660 81 60, e-mail: info@marszalek.com.pl, www.marszalek.com.pl
Drukarnia, ul. Warszawska 54, 87-148 Łysomice, tel. 56 678 34 78

Damian Skowron

- Rodzaje przestępstw i system kar w prawie muzułmańskim 160

DIALOGUE**Dialog****Maciej Zaborski**

- Teologiczne wymiary dialogu – od Vaticanum II do współczesności.
Wybór międzyreligijnych wypowiedzi Urzędu Nauczycielskiego
Kościoła na temat islamu 175

Marcin Wozikowski

- Instytucje dialogu muzułmańsko-katolickiego w Polsce. Wybrane
aspekty w perspektywie jubileuszu działalności Rady Wspólnej
Katolików i Muzułmanów 202

LITERATURE AND ART**Literatura i sztuka****Ольга Быкова**

- Специфика создания образа Турции в репортажах на тематическую
тематику Костя Котка „Солнце за минаретами” („Сонце поза
мінаретами”) (1928) и „Дневник нескольких городов”
 („Щоденник кількох міст”) (1930) 219

Николай Васильев

- Религиозно-философские искания Чингиза Айтматова 240

Николай Васильев

- Суфийские мотивы лирики Магтымгулы Пырагы (Махтумкули
Фраги) 256

Светлана Червонная

- Современная мечеть (исламский культурно-просветительский
центр) как архитектурная новация 272

ECONOMY**Gospodarka****Michał Zaremba**

- Państwa Bliskiego Wschodu we współczesnej gospodarce światowej.
Wybrane zagadnienia 297

Magdalena Brzeska

- Islam jako religia dominująca w Malezji a rozwój
społeczno-gospodarczy kraju 316

Konrad Banaś

- The export of textiles from Poland to Arabic countries
in the period between 1918 and 1939 332

- Noty o autorach i redaktorach 354

Религиозно-философские искания Чингиза Айтматова

В юбилейный для выдающегося кыргызского писателя Чингиза Айтматова (1928–2008) год имеет смысл подвести некий промежуточный итог его религиозно-философским исканиям, прежде всего через творчество, т. е. в некоторой степени косвенно. Речь нужно вести именно об исканиях, потому что художественное мировоззрение писателя претерпевало изменения, оставаясь неизменным в гуманистической основе.

В первых произведениях Айтматова, 1950–60-х годов, религиозно-общественные традиции воспринимаются чаще всего как предрассудки, редко – как традиции, но которые все равно не должны восприниматься как обязательные ограничители поведенческих норм. Главное – живые человеческие чувства, уважение к каждой личности, к богатству ее внутреннего мира. Драматически напряженные конфликты рассказов и повестей Чингиза Айтматова возникали на противостоянии между высокогуманистическими взглядами и поступками персонажей, преимущественно – обыкновенных людей, и предписаниями бездушной власти или укоренившихся традиций как „пережитков прошлого” („Первый учитель”, „Верблюжий глаз”, „Материнское поле”, „Прощай, Гюльсары!” и др.).

Особая роль отводится искренней, не признающей преград любви. В повести *Джамия*, сделавшей писателя знаменитым, чувства замужней женщины и демобилизованного инвалида встречают осуждение среди всего населения аила, но находят оправдание в глазах рассказчика-подростка, который и сам влюбился в Джамилю. В ре-

альности девушка-прототип вернется через несколько лет в аил и будет пребывать в состоянии изгоя, но произведение Айтматова завершится торжественным исходом влюбленных в неведомое будущее. Мотив всепобеждающей любви, даже если героев постигает трагическая участь, потом пройдет через все творчество кыргызского писателя. Отношение к мифологически-религиозным предписаниям у Айтматова изменится, прежде всего – в пользу признания их ценности, но если они вступают в противоречие со взаимной любовью, проявлениями человеколюбия, то писатель категорически не приемлет их.

Научные исследования¹, воспоминания сестры писателя Розы² подтверждают, что Айтматов с восхищением слушал выступления народных кыргызских певцов манасчы, прекрасно знал и высоко ценил национальный героический эпос *Манас*, кыргызскую и общетюркскую мифологию. Писатель и сам это подтверждал в статьях, эссе, выступлениях³ и т.д.

Определенные мифологические „вкрапления” встречаются уже в первых произведениях писателя, но полноценной составной частью текста кыргызская мифология становится в повести *Белый пароход* (1970). Каждое последующее произведение Айтматова уже немислимо без отдельной „мифологической” сюжетной линии в произведении. Чаше всего это были кыргызские, тюркские мифы, но не только. Так, *Пегий пес, бегущий краем моря* не только воспроизводит бытие нивхов, но и полностью опирается на нивхскую мифологию. Миф как важнейшая составная часть произведений Айтматова достигает апогея в романе *И дольше века длится день* (*Буранный полустанок*) (миф о манкурте, о кладбище Найман-Ана, о Раймалы-аге и Беги-май, изъятый цензурой миф о „белом облаке Чингисхана”), но и позже его значение в текстах писателя неизменно высоко, заканчивая последним романом *Когда падают горы Вечная невеста* (собственно миф о Вечной невесте, о выкупе-барымте и т.д.).

¹ О. Ибраимов, *Последний писатель империи: жизнь и творчество*, „Гылым” баспасы, Астана 2018.

² Р. Айтматова, *Белые страницы истории*, Бишкек 2013.

³ Ч. Айтматов, *Статьи, выступления, диалоги, интервью*, Издательство АПН, Москва 1988.

Айтматов активно использует тюркскую (а позже не только тюркскую), прежде всего – кыргызскую, мифологию как отдельный мир, сквозь призму которого оценивается современное бытие и определяются вечные ценности для человека. Поначалу мифология воспринимается как богатое культурное наследие, и только со временем религиозные аспекты приобретают все большее значение – тенгрианство воспринимается как целостное и органичное для тюрков и монголов, их бытия учение. Мифологизация произведений Айтматова органично вписывалась в общемировую тенденцию мифологизма художественной литературы XX века. Миф воспринимался как архетип, традиция, получившие новое наполнение и прочтение, как форма ставить и решать извечные общечеловеческие проблемы миропонимания, человеческих взаимоотношений, чувств, любви, веры, продолжения рода. Эта же мысль прозвучит почти в неизменном виде в романе *Тавро Кассандры* (1994): „(...) взаимосвязанность самых различных проявлений бытия следует из того, что зарождение плода есть центральное событие в Пространстве и Времени, это завязь истории в архетипах природы”⁴. Часто это также целостная картина мира, органично соединенная с этническим, национальным бытием. Такое и одновременно индивидуальное наполнение мифы получают и в творчестве Айтматова. Очень важно, что кыргызский писатель „испытывает на прочность” мифологию разных народов, те или иные религиозные учения и течения, переходит от одного к другому, но никогда не отбрасывает полностью предыдущее, находя те положения и ценности, которые могут быть приемлемы для всех людей независимо от вероисповедания, национальности или культурной принадлежности.

В этом смысле очень важен вывод, к которому приходит Орган, персонаж повести *Пегий пес, бегущий краем моря*, а значит, и автор повести: у каждого народа – своя соответствующая мифология или религия.

– ... был в какой-то далекой стране великий человек, который пешком прошел по морю. Ведь были такие люди...

⁴ Ч. Айтматов, *Тавро Кассандры*, *Азбука-классика*, Санкт-Петербург 2007, с. 46.

- Значит, он очень великий человек, самый великий из всех великих,
- ответил на то Орган. – А у нас самая великая – Рыба-женщина⁵.

Размышления старого Органа и сюжет произведения приводят к выводу, что смысл человеческой жизни состоит в чреде поколений, в физическом и духовном продолжении рода. Дед, отец и дядя поочередно выбрасываются в океанские воды, чтобы спасти подростка Кирикса, чтобы тот смог увидеть сопку с названием Пегий пес, бегущий краем моря, чтобы он продолжил род, ведущий начало от „великой” Рыбы-женщины, в единении человека, природы и вероучения. Также автор вместе с персонажами произведения пытаются решить вечный вопросы: человек и вечность, бесконечность пространства; бренность тела и сила мысли. А самое главное, с чем предстать перед смертью, как примириться с ней, что передать потомкам?

Морские дали располагали старика к его заветным раздумьям. Были у него сокровенные мысли свои. В море ничто не мешало предаваться им, ибо всему тому, о чем поразмыслить некогда на суше, среди повседневных забот, в море наступал черед – здесь ничто не отвлекало Органа от его великих дум. Здесь он чувствовал себя сродни и Морю и Небу. Он понимал, что перед лицом бесконечности простора человек в лодке ничто. Но человек мыслит и тем восходит к величию Моря и Неба, и тем утверждает себя перед вечными стихиями, и тем он соизмерен глубине и высоте миров. И потому, пока человек жив, духом он могуч, как море, и бесконечен, как небо, ибо нет предела его мысли. А когда он умрет, кто-то другой будет мыслить дальше, и так без конца... Сознание этого доставляло старику горькую усладу непримиримого примирения. Он понимал, что смерть неизбежна, что не так уж далек предел его жизни, понимал, что смерть всему конец, но при этом надеялся почему-то, что самое сокровенное и заветное в нем – его великие сны о Рыбе-женщине пребудут, останутся с ним и после смерти⁶.

В море он как бы заново переживал всю историю необыкновенного сновидения и, размышляя трезво, удивлялся, спрашивал себя: зачем он думает об этом, разве его стариковское дело тосковать о несущем

⁵ Ч. Айтматов, *Когда падают горы (Вечная невеста)*, Азбука-классика, Санкт-Петербург 2006, с. 340.

⁶ Ibidem, сс. 286–287.

ствующей Рыбе-женщине? Укорял себя и себе же признавался: не будь ее, сам бы себе был уже в тягость – вот постарел уже, и силы не те, и глаза не те, и краса ушла, и зубов не хватает. Все, чем славен был, все уходит, разрушается, и смерть не за горами, и лишь грудь не сдастся, желания в груди живут по-прежнему, ак в молодости, беда – не стареет душа. Потому-то и думы думаются такие, и сны видятся такие, – потому как только во сне и в мыслях человек для себя бессмертен и свободен. Мечтой восходит в небо он и опускается в глубины морей. Тем и велик он, что до самого смертного часа думает обо всем, что есть в жизни. Но смерть не считается с этим, дела ей нет, что жил человек, какого величия в мыслях достиг и какие сны он видел, каким он был, насколько и на что ума у него хватало, – все ей нипочем. Почему так? Зачем так устроено на свете? Пусть Рыба-женщина – сон, но пусть оставался бы этот сон навечно и там, в ином мире... Так же, как он верил в Рыбу-женщину, верил Орган и в то, что море внемлет ему. Здесь ему и дышалось и думалось вольготно. Тут изливал он душу свою⁷.

В романах 1980-х годов – *И дальше века длится день*, *Бурнанный полустанок* и *Плаха* – писатель не ограничивается мифологическим мышлением и начинает „испытывать” вечными вопросами мировые религии – ислам и христианство. Собственно, в первом из них мифологизм доминирует, мусульманское вероучение занимает маргинальное место в тексте романа. На последних страницах произведения коммунист Буранный Едигей хоронит своего друга Казангапа, тоже коммуниста, по всем предписаниям ислама. Особая роль отводится молитве как универсальной и вечной формуле выражения чувств и сакральных истин.

Перед ним на краю зияющей ямы лежал на носилках завернутый в белую кошму усопший Казангап. Произнося вполголоса погребальные слова, заблаговременно предназначенные всем и каждому, всем и на все времена впредь до скончания века, слова, в которых были изначально сказаны предопределения, неизбежные и равнозначные для всех, для любого человека, кем бы он ни был и в какую бы эпоху ни жил, а в равной степени неизбежно и для тех, кому еще суждено будет народиться, произнося эти всеобъемлющие формулы бытия,

⁷ Ibidem, сс. 296–297.

постигнутые и завещанные пророками, Буранный Едигей вместе с тем пытался дополнить их собственными мыслями, исходящими из его души и личного опыта⁸.

В этом же романе писатель, устами своего главного персонажа, утверждает мысль, звучавшую уже в *Пегом псе, бегущем краем моря*, о том, что Бог существует только благодаря сознанию человека, он должен очеловечиваться, иначе превращается в пустую догму, делая бездушным и человека.

Ведь никто не знает и никогда не узнает, есть ли Бог на свете. Одни говорят – есть, другие говорят – нет. Я хочу верить, что Ты есть и что Ты в помыслах моих. И когда я обращаюсь к Тебе с молитвами, то на самом деле я обращаюсь через Тебя к себе, и дано мне в час такой мыслить, как если бы мыслил Ты сам, Создатель. В этом все дело! А они, молодые, об этом не думают и молитвы презирают. Но что они смогут сказать себе и другим в великий час смерти? Жалко мне их – как постигнут они сокровенность свою человеческую, если нет у них пути возвыситься в мыслях так, как если бы каждый из них вдруг казался бы Богом? Прости мне это кощунство. Никто из них Богом не станет, но иначе и ты перестанешь существовать. Если человек не сможет возомнить себя втайне Богом, ратующим за всех, как должен был бы ратовать Ты о людях, то и Тебя, Боже, тоже не станет... В мне не хотелось бы, чтобы Ты исчез бесследно...⁹.

Это не означало, что в период создания *Буранного полустанка*, в самом произведении Айтматов отдавал предпочтение исламу как религии и вероучению. В опубликованный текст романа не попала значительная часть, изъятая советской цензурой (Госкомпечати). Позже, после распада СССР, эта часть превратилась в отдельную объемную „новеллу” *Белое облако Чингисхана*, в которой речь идет о тенгрианстве – казалось бы, совершенно далеком от ислама и других мировых религий вероучении. Но оказывается, что есть очень важные точки соприкосновения между совершенно разными и далекими религиозными учениями. Неприкосновенными и непреложными

⁸ Ч. Айтматов, *И дальше века длится день...*, Азбука-классика, Санкт-Петербург 2007, с. 419.

⁹ Ibidem, сс. 420–421.

истинами утверждаются любовь, продолжение рода человеческого без разделения на великих и посредственных как основа жизни на земле. Чингисхан, приказавший казнить влюбленных, зачавших ребенка вопреки его грозному приказу, лишается благосклонности великого Тенгри в виде сопровождавшего и укрывавшего от палящих солнечных лучей облака. После казни облако сопровождает младенца убитых алюбленных, покровительствуя теперь ему от имени тюркского божества.

Чингиз Айтматов осознавал огромную роль религии в жизни человечества, огромное влияние на их повседневное и сакральное бытие, мораль, мировосприятие и поведение, поэтому с 1980-х годов мировые религии, их корреляция с гуманистическими идеалами неизменно становятся объектами „исследования” в произведениях кыргызского писателя вплоть до последнего романа *Когда падают горы* (*Вечная невеста*). Впервые эти проблемы были поставлены во весь рост в романе *Плаха*. Величие христианского Сына Божьего писатель усматривает прежде всего в готовности пожертвовать собой ради искупления человеческих грехов, спасения людей. Неслучайно его участь повторяет распятый на саксауле Авдий Калистратов, выпускник духовной академии. Но это не приводит к прозрению хотя бы одного из грешников-уголовников, в отличие от библейских грешников. Но не является выходом из сложнейших коллизий XX века и наказание грешников, к которому прибегает Бостон. Ощущение катастрофичности мира остается доминирующим после прочтения романа.

В *Плахе* также остро ставится проблема взаимоотношений человека и власти. Всевозможные варианты их отношений (руководство духовной академии и Авдий, партийное руководство и местное население казахских степей, Понтий Пилат и Иешуа и т.д.) убеждают, что любая власть – зло, она враждебна самой природе человека, как и природе вообще. Жажда власти, желание удержаться на высоком посту руководят Понтием, который, даже осознавая святость Иешуа, готов невинного человека отправить на распятие. Оказывается, что куратор духовной академии, секретный сотрудник КГБ, ничем не лучше Понтия в желании держать в послушании других. Ради выполнения

плана, а значит, ради пребывания у власти партийные руководители идут на экологическое преступление, уничтожая тысячи краснокнижных сайгаков.

Гармоничное сосуществование человека и природы всегда привлекали внимание Айтматова-писателя. Начиная с *Плахи*, жизнь животных как божьих тварей составляет отдельную сюжетную линию. В *Тавре Кассандры* это будут киты как чуткий камертон катастрофичности мира, в *Когда падают горы* – снежный барс Жаабарс, в *Плахе* – кроме сайгаков, это Акбара и Ташчайнар. До мельчайших деталей писатель воспроизводит жизнь животных, их взаимоотношения, которые часто напоминают человеческие, только в упрощенной и естественной форме, в соответствии с их извечной сущностью, заложенной, возможно, силами свыше. Постоянно возникает ощущение, почему же в мире людей не может торжествовать такое же соответствие их природе, физиологической, душевной и духовной?

В романе *Тавро Кассандры* речь вроде бы идет только о христианстве, а православии и католицизме. Но персонажей произведения и его автора интересуют не различия между этими христианскими церквями, а то, что их объединяет. Объявивший себя самостоятельно монахом исповедующий православие Филофей (а значит, еретик с точки зрения канонического как православия, так и католицизма) не случайно говорит о своем единении с католиками. Несомненно, определенную роль играл высокий авторитет Иоанна Павла II, тогдашнего Папы Римского. Но важнее для Филофея единение церквей в деле спасения человечества, помощи ему в попытках найти истинный смысл жизни.

Побудило меня обратиться к Вашей равноапостольской особе не только то, что Вы наместник Иисуса Христа, преемник св. Петра, что Вы обладаете в силу этого мировым авторитетом, это само собой, но и то, что Ваша личность интегрирует в себе нравственные убеждения и духовные ценности огромного числа людей, населяющих Землю. И, обращаясь к Вам, я обращаюсь ко всем современникам своим и, кто знает, возможно, и к потомкам нашим¹⁰.

¹⁰ Ч. Айтматов, *Тавро Кассандры*, Азбука-классика, Санкт-Петербург 2007, с. 35.

Я не католик, но это обстоятельство нисколько не умаляет моего искреннего уважения к католической вере. В моем представлении любая религия, не закосневшая в упоении собственной исключительностью, может служить резонатором для множества голосов, как небо служит простором для полета разных птиц... Окажись я в этом смысле птицей перелетной над католическим небосклоном, был бы счастлив... Да, я всегда разделял в душе католические нравственно-этические догматы, находя в них общеприемлемые для всех нормы, наилучшим образом отвечающие логике жизни и в силу этого обладающие универсальной значимостью¹¹.

Поэтому письмо Филофея к Папе – это и письмо к любому руководителю той или иной церкви, к любому клирику, как и к любому верующему человеку.

Поэтому для героев и автора *Тавра Кассандры* неприемлемы церковно-религиозные распри, которые уводят от истинной сущности каждого из вероучений.

Силам же, эксплуатирующим разделенность человечества на группы, блоки, течения, на свих и чужих и духовно паразитирующим на этой разделенности и противопоставленности, кассандро-эмбрионы совсем ни к чему. Они для них помеха, смута, общая, а не сектантская проблема¹².

Кассандро-эмбрионы – художественный образ, олицетворяющий все новые духовные вызовы перед человечеством, не желающим давать на них ответы, потому что это заставит людей лишиться материального комфорта, перестать наслаждаться достатком и удовольствиями, предоставляемыми современной цивилизацией. По роману, в определенный момент беременности специальные лучи могут выявить некую точку, „тавро Кассандры“, через которое человеческий эмбрион предупреждает о нежелании родиться, поскольку знает о своей горькой, тяжелой участи в земной жизни. Каждый из родителей, человечество в целом должны решить сложный вопрос: рождать такого ребенка или нет, нести личную ответственность за все, что творится в мире, или сбросить ее на среду, на безликое общество, на „кого-то“.

¹¹ Ibidem, c. 36.

¹² Ibidem, c. 182.

„Конец света таится в нас самих – вот о чем дает нам знать это тавро”¹³. Эти идеи – продолжение и развитие тех, которые поднимались и утверждались в предыдущих произведениях Айтматова.

(...) есть ли смысл в продолжении бытия в потомках, а стало быть, и в самой юдоли земной? Как быть дальше? Чем компенсировать утрату незабываемости устройства жизни, унаследованного еще от Адама и Евы? (...) число кассандро-эмбрионов непрерывно растет. Причина этого – в эскалации в подкорке мирового сознания ощущения порочности и гибельности вечно экстремального людского бытия. Тавро Кассандры – закадровый голос эмбрионального эсхата, напряженно и отчаянно ожидающего уже в утробе матери приближения конца света. Это убивает в нем естественную тягу к жизни¹⁴.

Но ведь мы знаем: для Чингиза Айтматова продолжение рода человеческого – непреложный и основной закон бытия с точки зрения религии, как и с точки зрения человеческой сущности. Этот закон сопрягается с другими, в том числе и априорно преступной природе любой власти.

(...) откуда они, вечно живущие впрок и всегда в пику самому Господу, на которого мы, злоупотребляя Его неиссякаемой милостью, неизменно полагаемся как на высший гарант, вознося в душе молитвы в надеждах (...) Кровь и власть – вот тот гумус, на котором семена зла восходят веками... Зло сменяется злом, оставляя семена для следующего зла...¹⁵.

К таким непреложным законам Айтматова-писателя относится и мысль о том, что человек является мерилom всех ценностей, в том числе и прежде всего – религиозных.

Всякий раз, глядя из космоса на Землю в поволоке облаков, думал я восхищенно: Боже, какое великое творение Земля! Ведь и Солнце, наверное, существует ради Земли, населенной людьми, а иначе к чему все это? Мир надобен человеку – оттого он и есть, чтобы человек его осознал, оттого он и существует. А иначе к чему вся эта галактика,

¹³ Ibidem, с. 213.

¹⁴ Ibidem, с. 40.

¹⁵ Ibidem, сс. 42–43.

какой смысл? Да и сам Бог!! Он надобен человеку – оттого он и Бог, оттого он и есть! Но заслуживает ли человек этих мировых начал? Этого грандиозного мироустройства? Вот загадка Вселенной!¹⁶

Поэтому ни религия, ни человек не должны избегать острых вопросов современности, наоборот, они сами должны их выявлять и пытаться решить.

Но не для того ли мы сотворены как смысл и содержание вечности, чтобы через постоянно совершенствующееся познание наше открывался нам мир, а иначе к чему быть мирозданию, с какой целью быть вечности, если она будет оставаться невостребованной и не осознанной нами, по слабости и по прихоти нашей уклоняющимися от истины, когда это нам удобно? Не снижаем ли мы статус разумных существ – ведь боги без нас не боги, материя без нас пуста. И если мы утверждаем, что информация – путь прогресса, то не в непрерывающемся ли потоке все новой и всеохватывающей информации суть вечности? Бесконечность цивилизации – в бесконечности познания. Но когда мы избегаем познания в угоду себе, то есть вопреки истине, не избегаем ли мы тем самым столь желанной нам вечности?¹⁷

Какой рецепт спасения человека и человечества? Его нет. Вернее, он есть, существует испокон веков. Но как его реализовать?

Только искоренение бед и пороков каждым человеком, начиная с себя, и всеми вместе, всем родом людским, может обновить перспективу жизни. Утопия? Опять утопия?! Нет, это не очередная утопия. Это стезя выживания духа живого, иного пути нет!¹⁸

Именно в этом смысл и задача любой религии прошлого и современности, именно поэтому им нужно искать взаимопонимания, а не выяснять преимущества собственного учения и искать несовершенство чужих.

Эти „проклятые” вопросы оставались открытыми для писателя до последних его дней жизни, собственно, до последнего произведения – романа *Когда падают горы (Вечная невеста)*, опубликованного

¹⁶ Ibidem, с. 220.

¹⁷ Ibidem, с. 204.

¹⁸ Ibidem, с. 52.

в 2008 году за шесть месяцев до кончины Айтматова. В этом произведении религиозные проблемы вроде бы не поднимаются. Да, есть традиционная сюжетная нить органичной жизни животных, в соответствии с природой питающихся, охотящихся, испытывающих сексуальное влечение, близкое к любви, взрослеющих, мужающих, старящихся и уступающих место молодым. Есть миф о Вечной невесте – о вечной любви, для которой не существует преград в пространстве и времени. Есть такая же вечная любовь главного героя Арсена Саманчина и Элес, продолжающаяся и после смерти Арсена.

Гибель Арсена в который раз в творчестве Айтматова является вариантом жертвенности Христа ради спасения других. Своей гибелью он спасает от преступления одноклассников, от смертельной опасности – арабских шейхов, осознавая, что нет преступления, страшнее убийства другого человека. Истинная любовь – это способность пожертвовать собой, даже в момент наивысшего расцвета собственных чувств. Но трагическая гибель Саманчина дает яркий, но исключительный пример решения конфликтов апокалиптического мира, «когда падают горы», но не развязывает даже этот конфликт полностью. А кругом огромное количество не менее острых конфликтов.

Своеобразным итогом становится вынесенная в эпилог незавершенная новелла Арсена на основе услышанного от фронтовика рассказа о личной судьбе. Сергей (Сергий, как его называют сослуживцы) отправляется на фронт Второй мировой, когда всеми способами необходимо остановить неумолимого захватчика, а мать его просит сделать все для того, чтобы не убить никого, даже злейшего врага. Всю дорогу юноша слышит в стуке колес дилемму „Убить – не убить”. Новелла осталась незавершенной, мы не знаем, удалось ли Сергию выполнить просьбу матери. Вопрос остается открытым, но главное – остается открытой, неразрешимой проблема для всего человечества: как сделать так, чтобы во время самых острых противостояний, идеологических, религиозных, межэтнических войн и конфликтов не убить.

Некую форму разрешения извечных вопросов, в частности религиозно-этических, мировоззренческих, писатель нашел в бахаизме, о чем свидетельствует интервью с последователем этого вероучения

Фейзоллой Намдаром. Скорее не форму, а путь к преодолению межрелигиозного и межличностного противостояния, неизменно высказывая сомнения. Об этом свидетельствуют вступление и послесловие писателя, его развернутые вопросы, которые часто являются самостоятельными размышлениями-ответами. Вот некоторые из них, которые резонируют с произведениями Айтматова, их проблематикой.

Прежде всего, я хочу узнать, как случилось, что Вы, человек уже в зрелых годах, убеждены в том, что среди многих великих учений — есть христианство, есть ислам, есть буддизм и т.д. — Вы, однако, выбрали себе вот эту тропинку: Веру бахаи. Может быть, это истинная тропинка, которая ведет к Всевышнему, а может — блуждающая. Этого никто не знает....

Если взять с точки зрения философии, то найти подлинную справедливость очень трудно, потому что то, что кажется справедливым нам с Вами, другому человеку может показаться несправедливым. Может быть, справедливость — это категория субъективная, правильная лишь до некоторой степени. Поэтому, когда та или иная религия претендует на абсолют справедливости... Коммунистическая идеология ведь тоже претендовала на абсолют справедливости, на классовую справедливость. Ради определенного класса, она борется, идет на все, достигая своего. Сейчас, например, очень возрастает исламский фундаментализм. И один из его постулатов состоит в том, что только его последователи на верном пути и только они могут найти истинную справедливость. Справедливость, ниспосланную Богом. Это очень притягательно. В людях всегда есть жажда того, чего они не находят в обыденной жизни. В обыденной жизни человек на каждом шагу, в мелочном, сталкивается с тем, что ему кажется несправедливым. Несправедливо кто-то его толкнул на улице, или кто-то ему возразил, кто-то его оскорбил. Даже такие мелочи, не говоря уже о серьезных проблемах. Поэтому, когда бахаи учреждают Всемирный Дом Справедливости, они берут на себя проблему справедливости во всемирном масштабе и находят место — Дом. Если туда обратиться, прямо или косвенно, мысленно, то, якобы, можно найти справедливость. С одной стороны, это очень привлекательно, заманчиво. С другой стороны, это прекрасно звучит: „Всемирный Дом Справедливости”. Но я — человек уже в годах. Я видел, как начиналась перестройка и как она закончилась. Я сам был в центре этих событий. Я думал, что можно перестроиться, установить всем вместе демократию, найти истинную справедливость. Оказалось — это далеко не так. Поэтому, мне

кажется, то, что Вы называете „Всемирным Домом Справедливости“, в смысле бахаи, наверное все-таки идеал, идея. Идея, к которой надо стремиться, но которая не достижима. И драматизм, трагизм человека вообще наверное в том и заключается, что он вечно жаждет справедливости и вечно не может этого достичь. И в результате человек может бороться ради справедливости, ради национальной, социальной или исторической справедливости. Он может бороться, наконец, ради личной справедливости. Смотрите – сколько разных типов справедливости! Он все время будет бороться и, не достигнув ничего, оставит свои заветы потомкам. Они тоже пойдут по этому пути и тоже оставят свои заветы потомкам. Таким образом, мне кажется, происходит вечная устремленность человеческого духа к некой высшей справедливости».

Учение Бахауллы – это прежде всего философское учение, духовное учение. (Я, конечно, не знаток, но делаю выводы, общаясь, читая.). Это учение исходит уже из достижений позднего периода развития человечества – из достижений науки, религии, культуры и формулирует свое содержание. Но это, как мне кажется, учение демократическое, далекое от жестокости, суровости.

Если все эти Пророки произошли из одного источника как посланники воли Бога (хотя у Каждого есть свои приверженцы, свои последователи), то почему же люди разных религий ненавидят друг друга, хотят быть одни? Христиане хотели бы, чтобы вся планета стала христианской. Имаму дай возможность — он тоже хочет, чтобы все мы стали мусульманами и все вместе пошли по верному пути. Это фундаментальный вопрос. Наконец, возникает Вера бахаи, наиболее молодая из всех религий. Может ли Вера бахаи объяснить суть всех этих противоречий? Может ли она найти решение этих противоречий?¹⁹.

И таких вопросов-размышлений в интервью много.

Роман *Когда падают горы* подтверждает, что писатель так окончательного ответа на свои „вечные“ вопросы, в частности религиозно-мировоззренческие ответа не нашел. Творчество Айтматова примечательно, однако, тем, что кыргызский писатель мучительно искал ответы на вопросы, касающихся каждого человека независимо от

¹⁹ Ч. Айтматов, Беседа с одним бахаи: Беседа Чингиза Айтматова с Фейзолла Намдаром, http://bahai.cv.ua/downloads/aboutfaithbooks/Aitmatov_BesedaSODnimBahai.pdf.

национальности и вероисповедания, всего человечества. Он находил частные ответы вместе с читателями, но главные из них остались открытыми как для писателя, так и для всех его читателей.

Библиография

Айтматов Ч., *Беседа с одним бахаи: Беседа Чингиза Айтматова с Фейзолла Намдаром*, http://bahai.cv.ua/downloads/aboutfaithbooks/Aitmatov_BesedaS OdnimBahaipdf.

Айтматов Ч., *И дальше века длится день...*, Азбука-классика, Санкт-Петербург 2007.

Айтматов Ч., *Когда падают горы (Вечная невеста)*, Азбука-классика, Санкт-Петербург, 2006.

Айтматов Ч., *Статьи, выступления, диалоги, интервью*, Издательство АПН, Москва 1988.

Айтматов Ч., *Тавро Кассандры*, Азбука-классика, Санкт-Петербург 2007.

Айтматова Р., *Белые страницы истории*, Бишкек 2013.

Ибраимов О., Айтматов. *Последний писатель империи: жизнь и творчество*, «Гылым» баспасы, Астана 2018.

Chingiz Aitmatov's Religious and Philosophical Seeking

The article is about a way of attaching a great importance to religion by Chingiz Aitmatov for solving the key problems of life in his creative works, about writer's evolution in reception and evaluation of different religious systems. In his early works the writer recreates the conflicts of lively human feelings, first of all love, with traditions and prejudice without any respect to religious gospel and traditions. But soon he began to actively use Turk (later on not only Turk) predominately Kyrgyz Mythology as a separate world, through the prism of which a contemporary life is evaluated and eternal values for a man are defines. At the beginning, mythology was treated as a rich cultural heritage, and only later on the religious aspects acquire more importance – Tengrism, for example, was perceived as holistic and organic study for the existence of Turk and Mongol people. At the end of 80's, Chingiz Aitmatov was interested in humanistic content of Christianity, interrelation of truth and church, faith and power, affinity of dogmatic church with power and so on (*Plaha (The Scaffold)*). Simultaneously, very carefully, a writer touches the questions of humanistic twist of Islam, Islamic canonical texts as the perfect pat-

terms of expression the human feelings and thoughts which were polished during centuries (*And longer than a century lasts the day* (*Buranny Optional Hault*)). An idiomatic form of synthesis of different religious and philosophical studies became a theory of monk-astronaut Phylophey in a novel *Cassandra's Brand*.

A writer didn't see the complete advantage of any religion, but he tried to combine endless values each of them in unified study. In the afternoon of Chingiz Aitmatov's life, for him the counter image of such study was Baha'i Faith as a union of cultural and humanistic achievements of different religions on a ground of Islam.